

DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-04

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА РОЖДАЕМОСТЬ: СОПОСТАВЛЕНИЕ ИМЕЮЩИХСЯ ГИПОТЕЗ НА МАТЕРИАЛЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА¹

Казенин К.И.

Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС
(Москва, 119571, проспект Вернадского, 82а)

E-mail: kz@ranepa.ru

Аннотация. В статье оцениваются имеющиеся в демографии гипотезы о влиянии миграции на рождаемость на примере миграции населения Северного Кавказа. Большой масштаб этой миграции делает исследование рождаемости в сообществах переселенцев важным для планирования социальной политики на принимающих территориях. В работе обоснован такой метод формирования выборки женщин из мигрирующего сообщества, который позволяет учесть межэтническое разнообразие рождаемости, имеющееся у народов Северного Кавказа, и избежать искажений, которые может создать это разнообразие при сопоставлении рождаемости мигрантов и населения, оставшегося на исторической родине. Также обосновывается использование для изучения влияния миграции на рождаемость моделей, основанных на ограниченной информации о «миграционной истории» женщины. В результате количественного обследования выборки женщин из мигрирующих сообществ Дагестана подтвердилась гипотеза о том, что миграция на территорию с более низким уровнем рождаемости ведет к снижению уровня рождаемости среди переселенцев. Также подтверждена гипотеза о том, что значимым параметром для количества детей у женщин-мигрантов является место проживания женщины в возрасте до 15 лет. С точки зрения демографической теории, этот результат важен как подтверждение того, что в динамике рождаемости среди мигрантов могут одновременно проявляться обе эти зависимости. Кроме того, обсуждается вопрос о том, может ли обнаруженное влияние миграции на рождаемость быть объяснено социокультурными изменениями, происходящими в сообществах переселенцев. На основании проведенного исследования предлагается прогноз динамики рождаемости среди переселенцев с Северного Кавказа в других регионах России.

Ключевые слова: миграция, рождаемость, Северный Кавказ, Дагестан, адаптация мигрантов.

© Казенин К.И. [текст], 2018.

¹ Статья отражает результаты исследования по НИР РАНХиГС 2017 года «Динамика демографических процессов и особенности рождаемости среди мигрантов-мусульман Северного Кавказа».

Неуклонный рост миграции в современном мире заставляет демографов не только все детальнее изучать само это явление, но и исследовать его взаимосвязь с другими демографическими процессами. Один из вопросов, который в последнее время получает все более пристальное внимание, — это вопрос о взаимосвязи миграции и рождаемости. Несмотря на то, что межстрановые и межэтнические различия по рождаемости в последние десятилетия в мировом масштабе подверглись значительному нивелированию, говорить о завершении или даже о безусловной вероятности в будущем некой «демографической конвергенции», уравнивающей характеристики рождаемости в разных частях мира, не приходится. По этой причине миграция нередко приводит к тому, что переселенцы и коренные жители принимающей территории характеризуются разными уровнями рождаемости. Чаще при этом миграция (как международная, так и внутристрановая) идет с территориями с более высокой рождаемостью на территории с более низкой рождаемостью [1]. В этом случае важный вопрос состоит в том, какую дальнейшую динамику будет иметь рождаемость мигрантов на принимающей территории: станут ли мигранты по уровню рождаемости подобны своим новым соседям или же сохраняют тот уровень рождаемости, который имеется на их исторической родине.

Важность ответа на этот вопрос обусловлена несколькими причинами. *Во-первых*, понимание динамики рождаемости среди мигрантов существенно для прогнозирования динамики населения на территориях, куда

идет миграция. *Во-вторых*, контрасты между переселенцами и жителями принимающей территории по брачно-репродуктивному поведению во многих случаях усиливают культурную дистанцию между этими группами населения, затрудняют социальную адаптацию мигрантов [2].

Влияние миграции на рождаемость: основные гипотезы

Современные исследования показывают, что единого сценария взаимосвязи миграции и рождаемости не существует. На сегодняшний день в демографии признается возможность по крайней мере четырех сценариев динамики рождаемости у мигрантов первого поколения. Эти сценарии в литературе принято называть «гипотезами», однако такое название не должно вводить в заблуждение в том отношении, что ни один из сценариев даже авторами, первоначально введшими его в научный оборот, не предполагается в качестве единственно возможного варианта влияния миграции на рождаемость. Все четыре имеющиеся гипотезы являются, по сути, сосуществующими, реально засвидетельствованными вариантами этой взаимосвязи (для каждой гипотезы ниже приводится по одному подтверждающему ее примеру; сравнительный обзор имеющихся гипотез [3; 4]).

Гипотеза адаптации предполагает, что уровень рождаемости у мигрантов уже в первом поколении будет стремиться к тому уровню, который наблюдается у местного населения. Примером здесь может служить сокращение рождаемости у мигрантов из африканских и азиатских

стран в Западной Европе. Например, в Швеции, у мигрантов из большинства стран Азии и Африки в 1990-е — начале 2000-х гг. заметно снижалась вероятность рождения третьих и последующих детей, рождаемость которых у коренного населения Швеции также существенно ниже, чем у населения большинства стран, откуда в Швецию идет миграция [5].

Гипотеза социализации предполагает, что на количество детей у женщины-мигрантки значимо влияет сообщество, в котором прошла ее первоначальная социализация, т.е. в котором она проживала в возрасте от 0 до 15 лет: репродуктивные установки, распространенные в данном сообществе, с большой вероятностью определяют репродуктивное поведение женщины, вне зависимости от дальнейших ее переездов. Наиболее известный способ подтверждения гипотезы социализации — это демонстрация различий по уровню рождаемости между выходцами из разных стран, проживающих на одной и той же территории. Так, в [6] показано, что среди мигрантов, живущих в Германии, сохраняются различия по рождаемости в зависимости от стран, из которых они прибыли — Турции, бывшей Югославии и стран Южной Европы.

Гипотеза селективности базируется на предположении о том, что миграция — это выбор, который не является равновероятным для всех членов одного и того же социума. Например, миграция из села в город может быть наиболее ожидаемой для таких семей, взрослые члены которых нацелены в первую очередь на успешную профессиональную карьеру, а также для таких семей, которые

по своему составу наиболее подготовлены к бытовой адаптации в городе. Обе эти характеристики связаны с относительно небольшим числом детей в семье. Гипотеза селективности предсказывает, что будущие мигранты будут еще до миграции отличаться по своему репродуктивному поведению от своих соседей. Одно из подтверждений данной гипотезы — малое по сравнению с сельскими жителями в целом число детей у тех сельских семей на Филиппинах, которые в середине XX века мигрировали из сел в города [7].

Гипотеза разрыва утверждает, что влияние миграции на рождаемость в особой форме проявляется в первый послемиграционный период (примерно первые пять лет после миграции). Интересно, что исследования, в которых защищаются данные гипотезы, различаются по тому, какое именно влияние на рождаемость — повышающее или понижающее — они приписывают обстоятельствам переезда. Так, в [8] на примере миграции из села в город в Таиланде показано, что в период переезда и обустройства мигрантов действует ряд особых факторов, ведущих к более низкой рождаемости. С другой стороны, в ряде работ отмечается противоположная тенденция — всплеск рождаемости в первые годы после миграции [5; 6]. Одной из причин такого всплеска называется распространенность миграции с целью заключения брака.

Важно отметить, что ни одна из перечисленных гипотез, не противоречит другой, и в репродуктивном поведении одного и того же сообщества мигрантов можно одновременно увидеть подтверждение более чем

одной из этих гипотез. Это касается даже гипотез адаптации и социализации, которые предсказывают разные тенденции рождаемости у мигрантов, но в реальности эти тенденции могут быть совместимыми. Примером может служить международная миграция в Великобританию в последней трети XX — начале XXI века [9]: на фоне общего снижения рождаемости у мигрантов из разных азиатских стран по сравнению с рождаемостью на их родине (подтверждающего гипотезу адаптации), сохранялись контрасты по рождаемости между выходцами из этих стран (что подтверждает гипотезу социализации).

Для мигрантов второго поколения из этих четырех гипотез имеют смысл только первые две. Гипотеза социализации для мигрантов второго поколения подтверждается в том случае, если, например, различаются характеристики рождаемости у женщин-мигранток, выросших в принимающей стране в таком сообществе, где в основном говорили на их родном языке, и у женщин-мигранток, чье детство прошло в более «открытой» языковой среде. Подобный эффект для мигранток второго поколения обнаруживается во Франции [10]. Подтверждение гипотезы адаптации для мигрантов второго поколения — снижение их рождаемости по сравнению с мигрантами первого поколения.

При видимой простоте каждой из гипотез их проверка на практике представляет значительные трудности. Например, в [11] детально аргументируется, почему сопоставление стандартных показателей репродуктивной активности, в частности, ко-

эффициента суммарной рождаемости (КСР) среди мигрантов первого поколения и коренных жителей «принимающей» территории не имеет смысла. Для исследования рождаемости среди мигрантов в современной демографии активно используются более сложные математические инструменты, в первую очередь — модели, определяющие риски деторождения у женщины на определенном промежутке времени (например, в течение месяца) в зависимости от того, был ли проведен этот месяц на родине или на принимающей территории [4]. Однако построение таких моделей невозможно без знания подробной «миграционной» истории женщины, а она, в свою очередь, довольно трудно восстанавливается для таких мигрантских сообществ, для которых характерна «маятниковая» миграция, частые временные возвращения на родину. Это свойственно и для северокавказских мигрантов. Однако на их примере мы покажем, что и применение более простых статистических методов позволяет охарактеризовать влияние миграции на рождаемость.

Важный вопрос при оценке влияния миграции на рождаемость состоит в том, связаны ли контрасты по рождаемости между мигрантами и жителями принимающей территории (или территории, откуда совершена миграция) с разницей репродуктивных установок или же со «структурными» различиями между этими группами населения. Например, в [12] показано, что более высокая рождаемость мигрантов из Мексики по сравнению с коренными жителями США может быть объяснена тем, что среди первых выше доля сельских жителей,

а также доля лиц с низким уровнем образования — то есть тех категорий, для которых универсально ожидается более высокая рождаемость. При таких «структурных» контрастах различия по рождаемости могут быть не связаны с разницей репродуктивных установок.

Миграция северокавказского населения, рассматриваемая в данной статье, примечательна тем, что и в ее случае некоторые контрасты по рождаемости между группами населения с разным «миграционным статусом», по-видимому, могут быть объяснены различиями между ними, не имеющими отношения к миграции.

**Рождаемость среди
северокавказских мигрантов:
результаты полевого исследования**

Интенсивные миграционные процессы среди населения Северного Кавказа (не считая принудительные переселения 1940-х гг.) начались в 1960-е гг. и значительно активизировались в постсоветское время [13; 14]. Эта миграция распалась на три категории по «дальности»:

- 1) миграция внутри республик, прежде всего — с гор на равнину, а также с сельских территорий в города;
- 2) миграция в другие регионы Юга России (наиболее активно — в Ставропольский край и Астраханскую область);
- 3) миграция в регионы за пределами Юга России (наиболее активно — в Среднее Поволжье, Западную Сибирь, Московский регион).

Особенность Северного Кавказа состоит в том, что между различными этносами, а также жителями различ-

ных территорий там сохраняются довольно существенные различия по рождаемости [15].

Для изучения миграции это означает, что рассмотрение, например, единой выборки переселенцев из северокавказских республик и сопоставление ее с выборкой коренных жителей, представляющей все территории и этносы Северного Кавказа, грозило бы получением существенно искаженных данных о влиянии миграции на рождаемость. Действительно, в этом случае имелся бы риск, что в двух выборках будут в разных пропорциях представлены, например, этносы, различающиеся между собой по рождаемости, и поэтому обнаруженные различия между двумя выборками по рождаемости могут быть объяснены вовсе не влиянием на нее миграции.

Один из способов избежать этого риска, который мы и использовали в нашем исследовании, — это ограничить выборку мигрантами с некоторого набора достаточно небольших территорий и населением, остающимся на этих же территориях. Такое решение, разумеется, снижает общую репрезентативность выборки, однако позволяет отразить возможное разнообразие влияния миграции на рождаемость, если в рассмотрении включены достаточно разные по своим характеристикам миграционные потоки. Для этого, помимо национального состава и территорий, откуда идет миграция, эти миграционные потоки, очевидно, должны различаться по «дальности» миграции.

Исследование, проведенное нами в первой половине 2017 г., было ограничено миграцией из Дагестана, региона, где межэтнические и межте-

рриториальные различия по рождаемости выражены наиболее ярко и жители которого в последние годы очень активно совершают миграцию

разной «дальности». Для исследования была выбрана миграция трех этнических групп, идущая с трех различных территорий (табл. 1).

Таблица 1

Характеристики исследованных миграционных потоков

Table 1

Characteristics of the migration flows under study

Территория, откуда идет миграция	Национальность мигрантов	Принимающая территория	Оценка численности мигрантов на принимающей территории
Табасаранский и Хивский районы (Южный Дагестан)	табасаранцы	г. Дербент и Дагестанские Огни, Дербентский район (Северный Дагестан)	41 547 ¹
Ботлихский и Цумадинский районы (горный Дагестан)	аварцы	Север Дагестана	43493 ²
		г. Астрахань	4719 ³
Северная часть дагестанской равнины	ногайцы	г. Астрахань	Нет данных ⁴
		Тюменская область	Нет данных

¹ Численность табасаранцев в равнинной части Дагестана по данным ВПН-2010.

² Число аварцев в г. Кизляре и Кизлярском районе по ВПН-2010 (включает и аварцев, переселившихся из других районов, однако выходцы из Ботлихского и Цумадинского района составляют среди аварцев этой территории большинство).

³ Число аварцев в г. Астрахань по данным ВПН-2010 (по нашим оценкам, выходцы из Ботлихского и Цумадинского района составляют среди них более 90%).

⁴ Данные переписи и текущего учета населения не позволяют оценить долю выходцев из Дагестана среди ногайцев Астраханской и Тюменской областей.

Источник: данные Всероссийской переписи населения 2010 года (ВПН-2010) и расчёты автора.

Каждый из миграционных потоков достаточно интенсивен и привел к образованию компактно проживающих сообществ мигрантов на принимающих территориях, при этом миграционная «дальность» у них различается.

Миграция табасаранцев — второго по величине народа южного Дагестана — самая «короткая» из рассматриваемых. Они мигрируют с горных и предгорных территорий своего исторического расселения в равнинную часть южного Дагестана. Переселение было организовано начато республиканскими органами власти еще в 1960-е гг. и стихийно продолжилось после распада СССР.

Миграция аварцев двух высокогорных районов Дагестана, Ботлихского и Цумадинского, привела к воз-

никновению их компактных сообществ на двух территориях — в равнинной части северного Дагестана (город Кизляр, Кизлярский и Тарумовский районы) и в Астрахани. На север Дагестана стихийная миграция началась в 1980-е гг. и сделала выходцев с указанных горных территорий одним из наиболее влиятельных сообществ северной части республиканской равнины [14]. Миграция этой же группы горского населения в Астрахань началась в 1970-е годы. С тех пор и по сей день эта миграция связана в первую очередь с торговлей на рынке Большие Иссады в центральной части города.

Что касается ногайцев, то их миграция из северной части дагестанской равнины (Ногайский и Тарумовский районы) в Астрахань и в Запад-

ную Сибирь шла в основном в постсоветское время. На обеих принимающих территориях ногайские общины сформированы выходцами из нескольких регионов Северного Кавказа. Миграция в основном связана с возможностями ведения бизнеса, а в Западной Сибири — также с работой в нефтяной промышленности. В силу того, что миграция ногайцев — наиболее «молодая», среди них имеется меньше мигрантов второго поколения, чем среди аварцев и табасаранцев.

Исследуя каждый из миграционных потоков, мы в рамках количественного соопроса проинтервьюировали по 250 женщин возраста 16-39 лет на каждой территории, откуда идет миграция, и по столько же женщин этих возрастных групп среди переселенцев. Для аварцев и ногайцев, имеющих по две принимающие территории, число опрошенных переселенцев делилось между ними поровну. Всего исследованием было охвачено 1480 женщин.

Определение точного количества лет, проведенных мигрантами на родине и на принимающей территории, оказалось затруднено: многие респондентки, в т.ч. мигрантки второго поколения, отмечали, что в какие-то годы жили «между» двумя территориями, проводя сопоставимые доли времени и там, и там. В такой ситуации выяснить у всех респонденток «миграционные истории», характеризующие каждый период их жизни по месту проживания, для построения «модели рисков» (см. выше) не было возможно. Вместо этого пришлось ограничиться более «грубыми» параметрами: (1) проживание на момент опроса на исторической родине или на принимающей террито-

рии, (2) рождение на исторической родине или на принимающей территории, (3) постоянное проживание на исторической родине в период первоначальной социализации (0-15 лет), (4) принадлежность к мигрантам второго поколения.

Чтобы выяснить связь этих параметров с рождаемостью, были построены модели с регрессией Пуассона, в которых зависимой переменной было количество детей у женщины на момент опроса, а независимой — один из перечисленных параметров (табл. 2). В качестве контрольных в модели включались переменные возраста, этнической принадлежности и региона проживания (не показаны в таблице).

Как видно, проживание на исторической родине на момент опроса, а также первичная социализация на исторической родине значимо связаны с большим числом детей, а принадлежность к мигрантам второго поколения — с меньшим числом детей. Место рождения не оказалось значимым для числа детей. В модели также были включены параметры, значимость которых для рождаемости в Дагестане была обнаружена нами ранее [16]. Это учеба после окончания средней школы, работа за пределами домохозяйства, самостоятельность принятия женщиной решения о вступлении в брак и ее религиозность. В «миграционной» выборке ряд этих параметров также оказался значимым для числа детей (табл. 3). При этом параметры, характеризующие миграционный статус женщины, в этом случае заметно потеряли значимость: сохранил ее, со снижением уровня значимости, лишь параметр места проживания на момент опроса.

Таблица 2

Взаимосвязь миграционных характеристик с количеством детей у женщины на момент опроса (модели с регрессией Пуассона)

Table 2

Relation between migration story parameters and number of children a woman has at the time of the survey (Poisson regressions)

Дихотомические параметры	Коэффициенты			
	(1)	(2)	(3)	(4)
Не проживала на момент опроса на исторической родине (ref: Проживала на момент опроса на принимающей территории)	-0,160*** (0,0528)			
Не родилась на исторической родине (ref: Родилась на принимающей территории)		-0,082 (0,0596)		
Не проживала от 0 до 15 лет на исторической родине (ref: Проживала от 0 до 15 лет на принимающей территории)			-0,117* (0,0612)	
Не относится к мигрантам второго поколения (ref: Относится к мигрантам второго поколения)				0,122* (0,0632)
N	1404	1404	1404	1404

***p<0,001, *p<0,1

Источник: расчёты автора.

Таблица 3

Взаимосвязь миграционных и других характеристик с количеством детей у женщины на момент опроса (модели с регрессией Пуассона)

Table 3

Relation between migration story and other parameters and number of children at the time of the survey (Poisson regressions)

Дихотомические параметры	Коэффициенты			
	(1)	(2)	(3)	(4)
Не проживала на момент опроса на исторической родине (ref: Проживала на момент опроса на исторической родине)	-0,098* (0,0579)			
Не родилась на исторической родине (ref: Родилась на исторической родине)		-0,037 (0,0643)		
Не проживала от 0 до 15 лет на исторической родине (ref: Проживала от 0 до 15 лет на исторической родине)			-0,076 (0,0647)	
Не относится к переселенцам второго поколения (ref: Относится к переселенцам второго поколения)				0,048 (0,067)
Не училась после школы (ref. Училась после школы)	0,171*** (0,0602)	0,171*** (0,0604)	0,175*** (0,0602)	0,170*** (0,0606)
Не работала на момент опроса (ref. Работала на момент опроса)	0,095 (0,0681)	0,095 (0,0680)	0,096 (0,0681)	0,096 (0,0680)
Не работала после вступления в брак (ref. Работала после вступления в брак)	-0,143* (0,0737)	-0,145** (0,0737)	-0,147** (0,0737)	-0,145** (0,0737)
Приняла решение о вступлении в брак по совету родителей (ref. Приняла решение о вступлении в брак самостоятельно)	-0,050 (0,0647)	-0,044 (0,0647)	-0,048 (0,0647)	-0,045 (0,0637)
Не считает важным религиозное воспитание детей (ref. Считает важным религиозное воспитание детей)	-0,139** (0,0622)	-0,123** (0,0642)	-0,128** (0,0614)	-0,124** (0,0612)
N	965	965	965	965

***p<0,001, **p<0,05, *p<0,1

Источник: расчёты автора.

Приведенные модели подтверждают, что параметры, в отсутствие более детальной информации представляющие упрощенную «миграционную историю» женщины, позволяют установить статистическую взаимосвязь между миграцией и рождаемостью.

* * *

Анализ полученных результатов говорит о том, что с точки зрения прогнозирования естественного движения населения среди переселенцев с Северного Кавказа, повышенная рождаемость в перспективе у этих групп населения наблюдаться не будет. При том, что общий уровень рождаемости в Дагестане выше, чем в РФ в целом (а также чем в Астраханской и Тюменской областях), а на его горных территориях — выше, чем на равнинных, ожидать сохранения повышенной рождаемости у переселенцев в долговременной перспективе оснований нет. На это указывает значимое снижение рождаемости у мигрантов второго поколения и у тех, чья первичная социализация произошла не на исторической родине. Противостоять снижению рождаемости в сообществах северокавказских переселенцев в такой ситуации теоретически могло бы резкое увеличение числа новых мигрантов первого поколения, причем взрослых возрастов, но свидетельств этого ни в исследованных нами сообществах, ни в целом в северокавказской диаспоре сейчас нет.

С точки зрения имеющихся гипотез о взаимосвязи миграции и рождаемости, полученные результаты согласуются одновременно с гипотезой адаптации и гипотезой социализации. Гипотезой адаптации предсказывается обнаруженная в моделях негативная значимость для количества детей проживания женщины на

момент опроса за пределами исторической родины. С гипотезой социализации согласуется позитивная значимость для количества детей факта проживания женщины на исторической родине в первые 15 лет жизни. Что касается негативной значимости для количества детей принадлежности женщины к мигрантам второго поколения, то сам факт такой значимости, вообще говоря, может рассматриваться и как подтверждение гипотезы адаптации, и как подтверждение гипотезы социализации. С точки зрения гипотезы социализации, снижение рождаемости у мигрантов второго поколения ожидаемо по той причине, что проживание в детстве на принимающей территории дает возможность через контакты с ее коренными жителями усвоить их ценностные установки, в том числе связанные с семейной жизнью (в данном случае — установку на меньшее число детей). С точки зрения гипотезы адаптации, снижение рождаемости у мигрантов второго поколения — свидетельство того, что в самом сообществе мигрантов идет постепенное усвоение репродуктивных установок принимающей территории, углубляющееся с годами проживания на принимающей территории. В этом случае женщина, родившаяся на принимающей территории, имеет шанс воспринять характерные для этой территории репродуктивные установки уже от своих родителей, которые к моменту достижения женщиной подросткового возраста, скорее всего, провели на принимающей территории уже довольно много лет.

Данные нашего опроса не позволяют однозначно определить, какое из двух этих объяснений (очевидно, не взаимоисключающих) ближе к реальности. Отметим лишь, что в пользу объяснения, основанного на гипо-

тезе адаптации, говорит очень малая (менее 4%) доля среди замужних респонденток тех, кто заключил брак с представителем другой национальности. Малая доля межнациональных браков позволяет предполагать относительную замкнутость семей переселенцев, а значит, преобладание у детей и подростков контактов со взрослыми из переселенческой общины, а не из представителей коренного населения (наши полевые наблюдения над сообществами переселенцев, не связанные с количественным исследованием, согласуются с этим предположением). Следовательно, можно считать вероятным, что и свои репродуктивные установки женщина из второго поколения мигрантов в наибольшей степени получает от своих родственников — переселенцев. А значит, снижение рождаемости у мигрантов второго поколения — скорее свидетельство изменения этих установок в самом сообществе переселенцев, его сбли-

жения по репродуктивным установкам с жителями принимающей территории, что подтверждает гипотезу адаптации.

Снижение значимости миграционных параметров в случае, если в модель одновременно вводятся параметры, связанные с образованием, трудовой деятельностью, религиозностью женщины (см. табл. 3), говорит о том, что влияние миграции на репродуктивное поведение может объясняться социальными сдвигами, происходящими в сообществах переселенцев и заключающиеся, в частности, в повышении там социального статуса женщины.

Однако для того, чтобы утверждать, что изменение репродуктивных установок действительно связано с этими социальными сдвигами, а также для того, чтобы оценить глубину самих этих сдвигов в сообществах северокавказских переселенцев, требуются дополнительные полевые исследования.

Литература

1. Sobotka T. The rising importance of migrants for childbearing in Europe. *Demographic Research*. Vol.19. 2008. P.225-248.
2. Lesthaeghe R. (ed.). *Communities and Generations: Turkish and Moroccan Populations in Belgium*. The Hague. NIDI CBGS Publications. 2000.
3. Kulu H. Migration and fertility: competing hypothesis reexamined. *European Journal of Population Research*. Vol.21. 2005. P.51-87.
4. Kulu H., Gonzalez-Ferrer, A. Family Dynamics Among Immigrants and Their Descendants in Europe: Current Research and Opportunities. *European Journal of Population*. Vol.30. 2014. P. 411-435.
5. Andersson G. Childbearing after migration: fertility patterns of foreign-born women in Sweden. *International migration review*. Vol. 38. 2004. P.747-774.
6. Milewski N. Immigrant fertility in West Germany: Is there a socialization effect in transitions to second and third births. *European journal of population*. Vol.26. 2010. P.297-323.
7. Hendershot G. Cityward migration and urban fertility in the Philippines. *Philippine sociological review*. Vol.19. 1971. P.183-192.
8. Goldstein S., Tirasawat P. The fertility of migrants to urban places in Thailand. *East-West Population institute papers*. №3. 1977. Honolulu: East-West Population Institute.
9. Dubuc S. Immigration to the UK from high-fertility countries: intergenerational adaptation and fertility convergence. *Population and development review*. Vol.38. 2012. P.353-368.
10. Pailhé A. The timing of child-bearing among descendants of immigrants in France. *Stockholm University families and societies working papers*. Vol. 39. 2015. P.98-127.

11. Toulemon L. Fertility among immigrant women in France: new data, a new approach. *Paper presented Population Association of America Annual Meeting*. Los Angeles, March 30 — April 1, 2006. URL: paa2006.princeton.edu/papers/61103 (доступ 03.07.2017).
12. Hill L., Johnson H. Fertility changes among migrants: generations, neighborhoods, and personal characteristics. *Social science quarterly*. Vol.85. 2004. P.811-826.
13. **Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л.** Горцы после гор. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. — 438 с.
14. **Белозеров В.С.** Этническая карта Северного Кавказа // Отв. ред. Е. Савина. — М.: О.Г.И., 2005. — 304 с.
15. **Казенин К.И., Козлов В.А.** Возраст материнства в Дагестане: значимость этнического фактора в условиях модернизации // Народонаселение. — 2017. — № 1. — С. 46-58.
16. **Казенин К.И., Козлов В.А.** Особенности брачно-репродуктивного поведения в Республике Дагестан: их причины и социально-экономические последствия // Вестник Института экономики РАН. — 2017. — № 2. — С. 65-81.

Для цитирования:

Казенин К.И. Влияние миграции на рождаемость: сопоставление имеющихся гипотез на материале Северного Кавказа // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 1. — С. 48-59. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-04.

Сведения об авторах:

Казенин Константин Игоревич, кандидат филологических наук, директор Центра региональных исследований и урбанистики Института прикладных экономических исследований РАНХиГС, Москва, Россия.

Контактная информация: e- mail: kz@ranepa.ru

DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-04

IMPACT OF MIGRATION ON FERTILITY: KEY HYPOTHESES FACING EVIDENCE FROM NORTH CAUCASUS

Konstantin I. Kazenin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(82a Vernadskogo prospect, Moscow, Russian Federation, 119571)

E-mail: kz@ranepa.ru

Abstract. The article deals with the relation between migration and fertility behavior. Hypotheses about this relation which have been put forward in current demographic research are assessed using data on migration of indigenous peoples of North Caucasus. High intensity of their migration within Russia makes their fertility trends important for social policy planning at the territories which are their migration targets. To study fertility of migrants originating from North Caucasus, the author offers a way of sample composition which takes into account ethnic diversity in fertility behavior. This method helps to avoid distortions which the ethnic diversity can cause in a comparison of fertility among migrants and residents of the sending territory. Using data of a survey carried out among migrating communities of one of the regions of North Caucasus, Dagestan, the author holds that fertility trends among migrants fit both the adaptation and socialization hypotheses. According to the former, migration to a territory with lower fertility results in reduction of fertility among the migrants. In accordance with the latter, women who have grown up in the sending territory have higher number of children whether or not they migrate afterwards. In the theoretical perspective, these findings show that the two hypotheses may be confirmed simultaneously in the same community of migrants. The question is discussed whether social contrasts between migrants and those remaining at the sending terri-

tory can account for lowering of fertility among migrants. Future fertility trends among migrants from North Caucasus are predicted on the basis of the results of the study.

Keywords: migration, fertility, North Caucasus, Dagestan, adaptation of migrants.

References

1. Sobotka T. The rising importance of migrants for childbearing in Europe. *Demographic Research*. Vol. 19. 2008. P. 225-248.
2. Lesthaeghe R. (ed.). *Communities and Generations: Turkish and Moroccan Populations in Belgium*. The Hague. NIDI CBGS Publications. 2000.
3. Kulu H. Migration and fertility: competing hypothesis reexamined. *European Journal of Population Research*. Vol. 21. 2005. P. 51-87.
4. Kulu, H., Gonzalez-Ferrer, A. Family Dynamics Among Immigrants and Their Descendants in Europe: Current Research and Opportunities. *European Journal of Population*. Vol. 30. 2014. P. 411-435.
5. Andersson G. Childbearing after migration: fertility patterns of foreign-born women in Sweden. *International migration review*. Vol. 38. 2004. P. 747-774.
6. Milewski N. Immigrant fertility in West Germany: Is there a socialization effect in transitions to second and third births. *European journal of population*. Vol. 26. 2010. P. 297-323.
7. Hendershot G. Cityward migration and urban fertility in the Philippines. *Philippine sociological review*. Vol. 19. 1971. P. 183-192.
8. Goldstein S., Tirasawat P. The fertility of migrants to urban places in Thailand. *East-West Population institute papers*. № 3. 1977. Honolulu: East-West Population Institute.
9. Dubuc S. Immigration to the UK from high-fertility countries: intergenerational adaptation and fertility convergence. *Population and development review*. Vol.38. 2012. P.353-368.
10. Pailhé A. The timing of child-bearing among descendants of immigrants in France. *Stockholm University families and societies working papers*. Vol. 39. 2015. P.98-127.
11. Toulemon L. Fertility among immigrant women in France: new data, a new approach. *Paper presented Population Association of America Annual Meeting*. Los Angeles, March 30 — April 1. 2006. URL: paa2006.princeton.edu/papers/61103 (доступ 03.07.2017).
12. Hill L., Johnson H. Fertility changes among migrants: generations, neighborhoods, and personal characteristics. *Social science quarterly*. Vol. 85. 2004. P. 811-826.
13. Karpov Ju.Ju., Kapustina E.L. Gorcy posle gor [*Mountain People after the Mountains*]. Sankt-Petersburg. Peterburgskoe Vostokovedenie [*Petersburg's Orientalism*]. 2011. 438 p. (in Russ.)
14. Belozero V.S. Etnicheskaja karta Severnogo Kavkaza [*The ethnic map of North Caucasus*]. Moscow. 2005. 304 p. (in Russ.)
15. Kazenin K.I., Kozlov V.A. Childbearing age in Dagestan: significance of the ethnic factor under the conditions of modernization. *Narodonaselenie [Population]*. No. 1. 2017. P. 46-58. (in Russ.)
16. Kazenin K.I., Kozlov V.A. Trends of matrimonial and fertility behavior in Daghestan: their reasons and social-economical consequences. *Vestnik Instituta Ekonomiki RAN [RAN Institute of Economics Bulletin]*. No. 2. 2017. P. 65-81. (in Russ.)

For citation:

Kazenin K.I. Impact of migration on fertility: key hypotheses facing evidence from North Caucasus. *Narodonaselenie [Population]*. 2018. Vol. 21. No. 1. P. 48-59. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-04 (in Russ.)

Information about the author(s):

Kazenin Konstantin Igorevich, Cand. Sc. (Philology), Head of Department for Regional Studies and Urbanistics, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

Contact information: e- mail: kz@ranepa.ru